

УДК 821.161.1

**«Я С ЛОМОНОСОВЫМ...»:
ГРАФ ХВОСТОВ В ЗЕРКАЛЕ «РУССКОГО ПИНДАРА»**

© **Довгий Ольга Львовна (2020)**, ORCID: 0000-0002-3957-7857, SPIN-код: 1275-8614, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1), olga-dovgy@yandex.ru

2020-й год – год очередного забытого юбилея: 185 лет прошло со дня смерти графа Д.И. Хвостова, «короля графоманов». Между тем сам Хвостов действительно ощущал себя королем: королем в области знания правил поэтики, авторитетным судьёй поэтических произведений. В его сочинениях содержатся критические замечания – разной степени подробности – практически обо всех российских поэтах, от Кантемира до Пушкина. Если собрать их, то получится уникальный документ – стихотворная история русской поэзии от графа Хвостова. Глава о Ломоносове – самая обширная в этой пространной книге. В настоящей статье мы систематизировали высказывания Хвостова о Ломоносове и представили их в виде главы из хвостовского учебника поэтики. Если собрать всю эту книгу, можно получить историю русской поэзии от графа Хвостова, по-своему стройную и логичную. А главным героем этой книги окажется сам граф Хвостов в зеркале всей русской поэзии.

Ключевые слова: Граф Д.И. Хвостов как зеркало русской поэзии, М.В. Ломоносов, история русской литературы «от графа Хвостова», подражание-соревнование.

Известно, что граф Хвостов любил писать стихи и отдавать в печать.

А ещё граф Хвостов очень любил читать стихи других поэтов, и русских, и иностранных:

Я Ломоносова, Хераскова, Петрова,
И Сумарокова, Хемницера, Кострова
И Богдановича, Державина, других...
Готов без устали хвалить за песни их.

[Хвостов 1829а, 25]

В этой статье речь пойдёт только о том, как Хвостов читал русских поэтов. Вернее, даже одного поэта – Ломоносова.

Хвостов читал чужие стихи не просто так, а совмещая приятное с полезным. Был у графа ещё один, как теперь говорят, проект, над которым он трудился всю жизнь. Вернее, даже два в одном. Имя этому проекту – «Поэтика и история русской литературы». Граф ощущал себя и теоретиком, и историком поэзии; в его сочинениях, если задаться целью, можно вычитать всю историю российской словесности и множество рекомендаций нормативного поэтологического плана.

Наука о словесности хорошо знает тему «Русские писатели о графе Хвостове», но поворот на 180 градусов не менее интересен. Граф Хвостов как зеркало ничем не хуже другого графа в этой метафорической роли.

Пьетро Бембо, который первым заговорил о подражании-соревновании и стал различать *imitatio* и *emulatio*, и мечтать не мог о таком последователе в неведомой ему России. Сравним. Вот итальянский гуманист в «Письмах о подражании» выделяет три этапа работы с образцом: «Прежде всего мы должны подражать тому, кто лучше всех; затем мы должны подражать, стремясь сравняться (*assequi*) с ним; наконец, как только мы сравнялись с ним, все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы превзойти (*praeterire*) его. Следовательно, мы должны держать в уме два момента, ведущие к осуществлению великих задач: состязание (*emulatio*) и надежду. Но состязание должно всегда быть соединено с подражанием» [Лозинская 2010, 376].

А вот граф Хвостов дает советы юным питомцам муз:

Дух подражания к победе поощряет,
Границы иногда в искусстве расширяет.
Будь подражателем не в дробных мелочах, –
В высоком, нежности и плавностью в стихах
[Хвостов 1829b, 17]

....Угодно – стих чужой в свои стихи мешай,
Приладь затейливо, искусно и свободно,
Чтоб самом тебе казалось природно,
Чтоб видели тебя, чтоб всякий заключал,
Что до тебя родясь, Федр у тебя украл...
[Хвостов 1829a, 159]

Глава «Ломоносов» в хвостовской истории самая обширная. Хвостов разрабатывает «ломоносовскую топику», создаёт ломоносовский «фонд готового слова» и даёт яркий практический пример подражания-соревнования. Три хвостовских задачи: изучить – научиться – превзойти. Весь массив хвостовских высказываний о Ломоносове можно разделить на две большие группы: «Ломоносов – человек»/«Ломоносов – эмблема». По сути, это проявление оппозиции RES/VERBA. Изучение «Ломоносова-человека» начинать нужно, разумеется, с **биографии**.

Здесь три больших раздела, тесно между собой связанных: *«рождение в семье рыбака у Белого моря»*, *«короткая жизнь»*, *«разносторонность дарований и масштаб сделанного»*, – причем первые два просто подарены судьбой.

Рождение у Белого моря в семье рыбака – это классические аргументы «а лосо» и «а генере». Самый логичный путь – использовать их антитетически: сколь далеко от центра и сколь от низких родителей рожден – и сколь высоко взлетел. Хвостов так и поступает:

Вступи в смиренную обитель,
Где первый луч ты зрел, Певец,
Где сребровласый твой родитель
Был в царстве влажном рыб ловец,
Где ты, прельстяся Муз красою,
Сломил надежную рукою
Железные врата препон
И року вопреки сурову
Шагнул, оставя тень отцову,
От Белых вод на Геликон

[Хвостов 1828, 161].

Поэтическая вертикаль, оппозиция верха и низа, неба и ада будет ключевой в ломоносовской главе. Хвостов нарочно снижает лексику, говоря о месте рождения Ломоносова: оно оказывается просто «болотом», отчего ещё ярче сияет солнце, которого он достиг в своём полёте:

Чсть мощному орлу! Он из болота вмиг
До солнца высоты среди небес достиг.
Кто он? Герой? Иль царь? Нет, – песнопевец Россов;
В болоте родился великий Ломоносов

(«К родине Ломоносова»)

[Хвостов 1830, 310].

Краткость жизни – тоже продуктивная сфера:

Оставя рано свет, ты не был чести зритель,
Которой превознес Россию Вседержитель...
[Хвостов 1829а, 62]

Короткая жизнь к тому же постоянно отравляется завистью врагов:

...Доколе времени ты под державой жил,
Надменной зависти смиренной жертвой был
[Хвостов 1829а, 62]

Хотя жизнь какого гения обходится без врагов и зависти? Так что здесь Хвостов – как раз на общих путях? Но вот как разрешается тема зависти у Хвостова: в стихотворении «Объявление об отъезде в Холмогоры Ломоносова» «поэт известный Ломоносов», который из Петрополя «предпринимает путь» в Архангельск,

Стрел зависти коварной не боится;
От ног до головы он медный весь...
[Хвостов 1830, 305]

Мотив краткости жизни влечет за собой семантическую развилку: с одной стороны, удивление тем, как много Ломоносов успел сделать; с другой – сожаление о том, как много (и что именно) не успел завершить:

Екатеринина правленья на заре
Ты кончил век,
Труда не кончив о Петре
[Хвостов 1829а, 63].

Разносторонность интересов Ломоносова – самый богатый раздел в биографической части. «Учёность его была удивительная...» [Хвостов 1828, 297]. Но Хвостов не был бы Хвостовым, если бы просто написал, что Ломоносов велик и как поэт, и как ученый, и перечислил науки, в которых тот преуспел. Рассказ о многообразии сфер деятельности Ломоносова – прекрасный повод продемонстрировать, как искусно Хвостов владеет риторической операцией расширения. В пространном стихотворении «М.В. Ломоносову о рудословии 1820 г.» естественные науки описываются через нагромождения метафорических антитез («верх парнасских гор»/«чертоги ада темны»), специальных терминологических перечислений («Кремни-

10

стый, глинистый, цикорный и глицинный.../Итриский, тальковый, ториновый, стронциновый... [Хвостов 1829а, 71]), метонимий (привлечение громких имён для обозначения наук: Картензий, Невтон). Описания «мрачных пропастей земли» поражают подробностью. Откуда Хвостов это знает? Только ли из сочинений Ломоносова? Оказывается, нет: Ломоносов спускался не один – «в ископаемых обители широки» его неизменно сопровождал Хвостов:

Я с Ломоносовым в подземную спускался,
В жилище ужасов с цевницею являлся...
[Хвостов 1829а, 74].

Да и вообще Хвостов находился при Ломоносове неотлучно. Или всё-таки Ломоносов при Хвостове?

О Ломоносов стрелометный,
Я пел тебя и вновь пою
И стану петь, Певец бессмертный,
Доколе чашу жизни пью...
[Хвостов 1828, 266].

И всё это время Хвостов изучал Ломоносова, его труды и дни. Потому так профессионально оснащён и подробен рассказ о естественнонаучных достижениях.

И потому Хвостов – на правах постоянного спутника – постоянно прибегает к одному из любимых своих мотивов – вызыванию классика из могилы, чтобы тот увидел, как его чтят: «Ломоносов, встань из гроба и смотри»:

Оставь печальный мрак гробницы
И прах от веждей отряси...
Восстань, Поэт бессмертный Россов,
Восстань, великий Ломоносов,
Полет неслыханный сверши...
[Хвостов 1828, 159]

В скобках заметим, что Ломоносов у Хвостова наделён искусством летать (и не только в случаях уподобления орлу). Это искусство у Ломоносова переймёт и Хвостов и станет тоже «свершать полёты».

Хвостов настоятельно рекомендует Ломоносову отправиться на место рождения, к Белому морю:

...Ещё глашу, воззвав к Поэту:
На море Белое пари,
Явися, Пиндар Россов, свету
И в торжестве Архангельск зри.
...Восстань и пой, что победитель,
Высоких замыслов свершитель,
Труды ценить умеет Росс

[Хвостов 1828, 277]

Обратим внимание на обилие глаголов повелительного наклонения в обращениях к Ломоносову: «восстань», «воспой», «явися», «зри», etc.

«Многое ещё, наверно, хочет быть воспетым голосом моим» – этой ахматовской формулой можно описать набор тем, которых, по мнению Хвостова, должен бы коснуться Ломоносов:

Полночных Пиндар стран, неслыханный орел,
Пусть много расточил быстролетящих стрел,
Ты вновь чудесное чудесно бы прославил
И в полной срамоте бесчестное представил...

[Хвостов 1828, 63]

Не успел Ломоносов увидеть царствование Екатерины во всём блеске и тем более царствование её внука. Но это не беда: Хвостов, внимательно прочитавший Ломоносова, научился писать не хуже и воспевает царствование Александра, активно пользуясь ломоносовскими приёмами. Фактически заступает на его место.

И вот мы плавно перешли к **творчеству** Ломоносова.

Уж если Хвостов, говоря о естественнонаучных подвигах Ломоносова, не оплошал, то что говорить о его знании ломоносовской поэзии! Хвостов, шествующий по следам Ломоносова, знает её досконально. Именно по причине шествия по следам. Ему случается пользоваться и ломоносовскими конструкциями, и рифмами («Хвостова – на рифмы удалого», как сказал о нём Пушкин): «Петрова дочь Елизавета/Москве луч даровала света» [Хвостов 1828, 139] и вставлять ломоносовские названия в свои произведения:

Явленье первое, которое предстало,
О Ломоносове приятно вспоминало.
Он пел любовь, леса
И, лирою простою,

*Покрыты небеса
Ночною темнотою*

[Хвостов 1829а, 23]

Вкрапление ломоносовских цитат в хвостовский текст преследует и сверхцель – поставить в один контекст свои и ломоносовские строчки. По мнению Хвостова, получается органично. Это как раз и есть второй этап работы с образцом – «научись писать, как Ломоносов».

«Бессмертного всегда уже по смерти хвалят» – один из знаменитых хвостовских афоризмов. В целом в отношении Ломоносова Хвостов придерживается эпидейктической стратегии: он Ломоносова хвалит, причём приёмы хвалы не производят впечатления большой новизны. Здесь метафорические уподобления: (Ломоносов – «гордая река, вздымающая волны»), постоянные эпитеты («стреломётный»), хвалебные номинации (Пиндар, Орфей). Бестиарные аналогии немногочисленны: чаще всего Ломоносов – орёл. Рифма «Ломоносов-Россов» – на почётном месте в арсенале Хвостова. Частый приём – нанизывание клише:

Сын Каллиопы, Пиндар Россов,
Поэтов Норда образец,
Любимец Феба, Ломоносов,
Философ, ритор и певец,
Собой Россию воспрославил,
Витийство новое составил...

[Хвостов 1828, 156].

Главная ломоносовская номинация, разумеется, Пиндар:

Паря в чудесный мир с Картензием, Невтоном,
Ты рядом шествовал с Пиндаром, Цицероном...

[Хвостов 1828, 62].

Схема проста. По сути, это обнажение приёма подражания-соревнования, всё тот же топос шествования по следам: ведь если Ломоносов вослед Пиндару, то я (Хвостов) – вослед Ломоносову. И имя Пиндара оказывается мобильным, переносным: после смерти Ломоносова оно перейдёт к новому певцу вместе с ломоносовскими орлиными крыльями.

Для Хвостова Ломоносов – образец меры и гармонии в сфере словоупотребления – соратник в литературной борьбе. Хвостов включается в полемику о старом и новом слоге, и Ломоносов служит примером золотой середины в этой области:

Употребленье – Царь всевластный языков –
Приемлет новые на место старых слов.
И ты, певец, не чти в числе красот великих
Невнятный никому набор речений диких;
Согласно с временем слог плавный избери,
Как нимфы, нежными стихами говори.
Так римлян Флакк учил, так поучает Россов
Наш северный орел – великий Ломоносов.
Языка древнего проникнув смелый дух,
Он оскорблять не смел ни разум наш, ни слух.
Как гордая река, возъемлющая волны,
Так он величеством и быстротою полный
Умел отличный дар искусством подкреплять
И слово каждое где должно поставлять.
Коль спросишь: «Где язык?», славянские ты книги
Отнюдь не почитай за тяжкие вериги;
Они светильники давно прошедших лет,
Их луч не теплоту, а свет единый льет...
[Хвостов 1829b, 6].

Доскональное знание ломоносовской поэзии даёт Хвостову право выступить её критиком и судьёй. Один из главных хвостовских тезисов: Ломоносов (как и все поэты прошлого) нуждается в беспристрастном критическом разборе («Но критика всегда яд лести отвергает»):

Мы проповедуем: «на Геликоне Россов
Светило лириков, бессмертный Ломоносов».
Но мало сей хвалы. Набором ли речей
Прилично восхвалять прославленных мужей?»
Сын вдохновения, лишь Пиндару совместный,
Почти по имени соотчикам известный,
Кем свету был открыт? Какой питомец муз
Для нас проник его дух, разум, чувство, вкус?
О Ломоносове кто мог достойно мыслить?

Кто, лирой восхитясь соземца своего,
В полете сравнивал Пиндара и его?
Кто Флакка, громкого доселе в наши леты,
Сличил как судия с певцом Елизаветы?

[Хвостов 1829а, 37]

В примечании к стихотворению «С богами говорить не должно бестолково» (вызвавшему бурную радость арзамасцев), Хвостов замечает: «Мысль сего послания заключается в том, что нам, при толиком богатстве образцов, пора, то есть настало время для пользы прекрасного языка нашего разобрать критически Ломоносова, Державина, Петрова, Кострова, Богдановича и других моих знаменитых современников» [Хвостов 1829а, 99]

А кто может такое толкование дать? Ответ очевиден.

Да, Хвостов не скрывает: у Ломоносова есть погрешности. Но на примере Ломоносова Хвостов учит различать критику истинную и ложную:

Клит Ломоносова берёт нередко в руки,
Надеяся найти тупые мысли, звуки,
Кричит, пусть получил бессмертия венец
И Ломоносов сам не славный образец:
Он ударение при имени *Асия*
Без нужны перенес для рифмы на *Россия*

[Хвостов 1829а, 48]

В примечании Хвостов поясняет: «Столь ужасный приговор о Ломоносове случилось сочинителю слышать от одного остряка. Конечно, сия нелепость совершенно не заслуживала бы внимания; но как подобные толки не редки, то в сем Послании казалось не бесполезным поместить оную. Сверх того, см. Телеграф 1828 года № 16 или 17, где напечатано о сем предмете безызвестное доселе Послание стихами покойного Элагина. Через 12 строк от сего стиха в пример надутости поставлен стих:

Где в бездны опершись, гремит на гrome гром.

Сей стих находится у одного из знаменитейших наших лириков, см. Кантату «Цирцея». Он и здесь помещается не для укоризны достохвального Поэта, но для предостережения молодых питомцев Муз, также и стих, близко от сего находящийся:

Заставят Ангелов с чертями целоваться,
метит в стих бессмертного Ломоносова:

Целуйтесь, громы, с тишиною» [Хвостов 1829а, 203]

Зачем Хвостов помещает эти строки? Да всё «для предостережения молодых питомцев муз»...

В начале статьи мы говорили о мотиве вызывания классика из могилы. Но Хвостов легко владеет системой «обратных действий»: Ломоносова можно по желанию вызвать из могилы и заставить петь о том, что кажется важным Хвостову; а можно и напомнить классику, что пора бы и на покой:

Повелевает рок суровый
Под хладным камнем жить тебе;
Коль Музой дан венец суровый,
Покорствуй смертного судьбе...
[Хвостов 1828, 163]

Ломоносов переходит на уровень VERBA, становится эмблемой:

Мне в том, певец ручайся Россов,
Что насажденное тобою, Ломоносов...
Тобюю брошены в начале семена
Плоды произрастят позднейши времена...
[Хвостов 1829а, 75]

Дело его продолжают новые певцы, к которым перейдут и ломоносовские крылья, и номинация Пиндара:

Гони с Парнаса дух дремоты
И Россам в песнях будь пример.
Да венценосцев подвиг славный
Воспеть тебе родится равный
Крылатый Пиндар иль Гомер
[Хвостов 1828, 164]

Причём Пиндаров может быть и больше одного:

...Твоей услыша голос лиры,
Доступен Россам Геликон,
Воскресли Пиндары, Омиры...
[Хвостов 1828, 274]

Впрочем, и Ломоносовых тоже может быть много (вообще, употребление имён поэтов во множественном числе – это грамматика поэзии и заслуживает отдельного рассмотрения):

Спроси у тех, кому сияет Фебов свет, –
Нам Ломоносовы другой дадут ответ...
[Хвостов 1829b, 45]

В разговор о поэзии Ломоносова постепенно вводится мотив наследника.

Кто он, этот новый Пиндар, равный Ломоносову? Конечно же, тот, кто «смело топчет его следы» (формула Кантемира):

Я, подвигом прельстясь, тебе стремился вслед,
Но мне ль пристойно петь о торжестве побед...
[Хвостов 1829a, 64]

...Я Ломоносова вдали увидя след,
На землю вновь спустясь, свершаю мой полет...
[Хвостов 1829a, 70]

Хотел, подруги Феба, Музы,
По вашим странствовать горам,
...И воду пить пермесских токов,
Как Ломоносов, Сумароков...
[Хвостов 1828, 168]

Хвостов постоянно доказывает своё право говорить о Ломоносове именно так, как говорит он. Это право достигается, во-первых, длительностью и непрерывностью общения:

О Ломоносов стрелометный,
Я пел тебя и вновь пою
И стану петь, Певец бессмертный,
Доколе чашу жизни пью
[Хвостов 1828, 266]

Во-вторых, сюжетом с Фебом. Ломоносов первым «похитил Феба луч»:

Ты первый, на горе высокой
Развевя ночи сон глубокой,
Похитил Феба луч для нас
[Хвостов 1828, 266]

После смерти Ломоносова Феб является Хвостову как раз в момент произнесения им хвалебных стихов Ломоносову. Чего ж вам боле? Просто магический ритуал:

Священной исполнитель воли
Потоки слез приятных лил,
Когда твоей завидной доли
Я Норду проповедник был.
Сам Феб представился мне ясно;
Завет престола громогласно
Отечеству спешу вещать.
Всё Ломоносовым дышало
И дерзновение внушало
К Певцу бессмертному воззвать

[Хвостов 1828, 162]

И после этого неужели не ясно, кому Ломоносов должен отдать лиру (о мотиве передачи лиры в русской поэзии можно написать отдельное эссе):

Российский Пиндар Ломоносов,
Ты Ледовитый славишь край.
Я петь дерзаю флоты Россов,
Мне лиру Фебову отдай...

[Хвостов 1828, 149]

И вот заслуженная награда: портрет Хвостова красуется в одном ряду с портретом Ломоносова:

Ступай теперь, Хвостов,
Награду получить достойную трудов,
Стань смело в ряд с искусными творцами
И скромность отложив, красуйся их венцами.
Смотри, – наставник твой, Омир полных стран,
Там Златоуст Российский Феофан,
Там громкий Пиндар наш и трагик Сумароков,
Венчатели заслуг, гонители пороков...

[Хвостов 1829b, 62]

Действительно, скромность в такой ситуации нужно отложить.

Ломоносову пусть сооружаются памятники – Хвостов напишет стихотворение «На сооружение памятника Ломоносову», где вновь воспойет величие Ломоносова и продолжателей его дела:

...Стремясь следом за тобою,
Иной отводит грома путь,
Иной Мозаики рукою
Дерзает в камни жизнь вдохнуть;
Иной витийств парящим словом
В убранстве Флоры свежем, новом
Высоких чувств являет речь;
Питомец Муз в твоём твореньи
Похитить ищет вдохновенье,
Неугасимый огонь извлечь

[Хвостов 1828, 268]

Но главный памятник Ломоносову – это, безусловно, его произведения. Они занимают почётное место в библиотеках. Так, посетитель «Майского гулянья в Екатерингофе»

В библиотеку лишь вступает,
Он Ломоносова встречает...

[Хвостов 1829а, 136]

Подведём итог. Мы привели очень малую часть хвостовских высказываний о Ломоносове, но уже из них ясен общий контур «главы».

В хвостовской «истории» всё как в обычных учебниках: и жизнь, и творчество, и разбор отдельных сочинений. Можно ли сдать экзамен по хвостовскому учебнику? Если прочитать все, что написал Хвостов о Ломоносове, можно. Можно по ней познакомиться с жизнью и творчеством Ломоносова? Ответ тот же: можно, если хватит терпения прочесть всё. Очень подробная получилась у Хвостова глава. И такая глава может быть собрана практически о каждом русском авторе (об иностранном, впрочем, тоже). Надо ли собирать хвостовские отражения в единый текст? Вреда истории русской словесности от этого точно не будет. А польза может быть.

Мы всё время говорили, что Хвостов использует общие места, привычные приёмы. Что же тогда придаёт этой главе «лица необщее выраженье», если оно вообще есть? Обилие личных местоимений первого лица, сильное авторское присутствие. Именно оно и состав-

ляет суть хвостовского универсального остранения. Мы уже не очень понимаем, чьё отражение ловим, за чьим движением в чьём зеркале следим. «Я и Ломоносов» – ключевая тема главы. И Хвостов явно нравится себе в ломоносовском зеркале.

Эта «глава» – практический пример работы с образцом. Насколько успешной? Сам Хвостов доволен. Пройдя по следам Хвостова, юный питомец муз, пожалуй, сможет получить силу и уверенность для свободного обращения с классиком:

А Ломоносова заставь, пожалуй, вновь
Греметь отечество и славу и любовь
[Хвостов 1829а, 170]

Источники

Хвостов 1828 – Хвостов Д.И. *Полн. собр. стихотворений графа Д.И. Хвостова*. Т.1. СПб.: Тип. Императорской Акад. Наук, 1828.

Хвостов 1829а – Хвостов Д.И. *Полн. собр. стихотворений графа Д.И. Хвостова*. Т.2. СПб.: Тип. Императорской Акад. Наук, 1829.

Хвостов 1829б – Хвостов Д.И. *Полн. собр. стихотворений графа Д.И. Хвостова*. Т.3. СПб.: Тип. Императорской Акад. Наук, 1829.

Хвостов 1830 – Хвостов Д.И. *Полн. собр. стихотворений графа Д.И. Хвостова*. Т. 5. СПб.: Тип. Императорской Акад. Наук, 1830.

Литература

Лозинская 2010 – Лозинская Е.В. *Подражание // Европейская поэтика от античности до Эпохи просвещения: Энциклопедический путеводитель*. М., 2010. С. 368–387.

«LOMONOSOV AND I»: COUNT KHVOSTOV IN THE MIRROR OF «RUSSIAN PINDAR»

© **Dovgy Olga Lvovna (2020)**, ORCID: 0000-0002-3957-7857, SPIN-code: 1275-8614, D.Sc. in Philology, senior research fellow, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russia), olga-dovgy@yandex.ru

2020 is the year of another forgotten anniversary: 185 years since the death of Count Dmitry Khvostov, "the king of graphomaniacs". Meanwhile, Khvostov did feel like a king: a king in the field of knowledge of poetics' rules, an authoritative judge of poetic works. His writings contain critical remarks – in varying degrees of detail – about practically all Russian poets, from Kantemir to Pushkin. Collected together, they make up a unique document: a poetic history of Russian poetry from Count 20

Khvostov – in its own way symmetrical and argumentative. The chapter on Lomonosov is the most extensive in this lengthy book. In this paper, we have systematized Khvostov's statements about Lomonosov and presented them in the form of a chapter from Khvostov's poetics textbook. But the main character of this book will be Count Khvostov himself – reflected in the mirror of all Russian poetry.

Keywords: Count Khvostov as a mirror of Russian poetry, Lomonosov, History of Russian literature "from Count Khvostov", imitatio-emulatio.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Лозинская 2010 – Lozinskaya E.V. *Podrazhaniye* [Imitation]. *Evropayskaya poetika ot antichno-sti do Epokhi prosveshcheniya: Entsiklopedicheskiy putevoditel'* [European Poetics from Antiquity to the Age of Enlightenment: An Encyclopedic Guide]. Moscow, 2010, pp. 368-387. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.08.2020